

Наталья Лазарева

НЕЛЕГАЛКА-2

2014-2015-2016

Наталья Лазарева

Нелегалка-2. 2014—2015—2016

«Издательские решения»

Лазарева Н.

Нелегалка-2. 2014—2015—2016 / Н. Лазарева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835464-9

Спустя пять лет после первого нелегального заезда наша героиня снова отправилась на Сицилию. На этот раз ей пришлось сменить три семьи, работать бесплатно, сбегать из горного селения, сидеть без работы и в результате оказаться на берегу моря, в большой и дружной компании соотечественниц. Закона о пермессо не выходило уже несколько лет. На что надеяться русским, украинкам и белорускам в Евросоюзе? Только на то, что полиция не остановит да в выходные дни будет хорошая погода.

ISBN 978-5-44-835464-9

© Лазарева Н.
© Издательские решения

Нелегалка-2

2014—2015—2016

Наталья Лазарева

© Наталья Лазарева, 2017

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-5464-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
НЕЛЕГАЛКА-2

2014—2015—2016

Глава 1. Рецидивистка

Ирка позвонила неожиданно: «Ты дома? Хочу забежать на минутку». Она просидела за чашкой зелёного чая пять минут и умчалась по каким-то своим делам. Я убрала посуду и стала приводить в порядок козетку, поправляя подушки. Под одной из подушек лежал двадцатник.

Я тупо пялилась на деньги, автоматом протянула руку к телефону, набрала номер подруги: «Ты деньги забыла!» Она прокурлыккала: «Зачем тебе брать ещё один кредит, чтобы уехать на Сицилию? Делай визу, покупай билет и уезжай!» – «Но, я понятия не имею, когда смогу отдать...» – «Отдашь, когда сможешь. Я – не банк, процентов не попрошу!»

С Иркой мы знакомы лет пятнадцать. Весь этот год мы созванивались и болтали о всякой всячине, и я всё чаще задумывалась, что неплохо было бы повторить сицилианский транзит пятилетней давности.

В июле я устроилась на работу, в августе уволилась.

Работа была для идиотов. То есть для дураков, готовых пахать за бесплатно. Причём, на собеседовании и до официального трудоустройства всё выглядело иначе, чем потом.

Для начала, обещанная в 22 тысячи зарплата оказалась вдвое ниже. 22 – это если работать без выходных. По 12 часов. И 12 часов – фикция. На самом деле – 13. Час вычитали за обед и два перерыва по 15 минут, которых не было. На обед я ходила домой – специально устроилась в такой магазин, чтобы в соседнем здании. Но через пару дней мне запретили выходить, сказали – ешь в подсобке. Среди коробок, между холодильником и шкафчиками был метр квадратный, предназначенный для отдыха.

Продолжение – ещё веселей. Устраивалась продавцом. На второй день поставили за кассу. На третий оказалось, что надо ещё работать за уборщицу. Мыть полы и стеллажи, сваливая, а потом расставляя по полкам сотни шампуней, кремов, лаков и тому подобной дребедени. И следить за покупателями, потому что охраны нет. Сидеть нельзя, да и не на чем.

Через 10 смен я подала на увольнение. Пытались заставить отработать 2 недели, отказалась.

Заработать на отъезд не удалось. Решила взять кредит, о чём и сообщила Ирке в разговоре накануне.

На другой день после её визита пошла делать шенген.

Получив визу, смоталась открыть её в Хамину, мой любимый финский городок, до сих пор во многом выглядящий как русский.

На следующий день купила билет до Праги. Я уже дважды отдыхала в уютном pensione «Диамант», расположенном на живописной горной улочке Tursova 4, прямо над историче-

ским центром Карловых Вар. Хозяйка, Лариса, на мою просьбу пожить у неё проездом, пока не куплю билет в Италию, сказала: «Давай! Как определишься с датой, напиши!»

Через три дня, в пятницу, 12 сентября, села на вечерний автобус, направляющийся в Ригу. Народа ехало немного, всем досталось по 2 места, так что более-менее нормально поспала.

Утром подъехал из Лиепае Имантс, муж старинной подруги, не пожелавшей сменить Санкт-Петербург на Латвию. Имантс навещает семью в России, дети и внуки ездят к нему в гости.

Мы погуляли по старому городу, поднялись на собор.

В соборе была интересная выставка местных ткачей. Одна работа мне очень понравилась. На круглом столе словно рваная тряпка лежала, а подойдёшь поближе – картина.

Пока ждала автобус из Лиепае, сдала багаж, поела в кафе, потом направилась в Стокманн. Мне был нужен туалет. На вокзале туалет маленький и платный, дискомфорта и так хватало, так что стокманский бесплатный, большой и чистый был лучшим вариантом.

Из Риги в Прагу автобус шёл не вечером, как раньше, а в час дня. И тоже более чем наполовину пустой.

В 10 утра в воскресенье я была в Праге, через полчаса пересела на автобус в Карловы Вары.

Сейчас путешествовать удобно, Евросоюз практически полностью перешёл на единую валюту, деньги менять не надо. Правда, страны ещё принимают и свои деньги, но как раньше, не надо искать обменник, чтобы купить воды или мороженого. Евры везде в ходу.

За автобусной станцией в Варах обнаружилась аномалия – расцвёл каштан. Высокое дерево скинуло все листья и расцвело на фоне бурой листвы других каштанов, грустящих об уходящем лете.

Приехала к Ларисе в полдень, позвонила в дверь отеля, она вышла и сделала круглые глаза: «Ты?! Откуда?» Я слегка обалдела, потому что писала, в какой день приеду. Оказалась, она в эти дни вконтакт не выходила. Я смутилась: «Лариса, если у тебя номеров нет, найду другую гостиницу», но она засмеялась: «Всё в порядке, просто неожиданно».

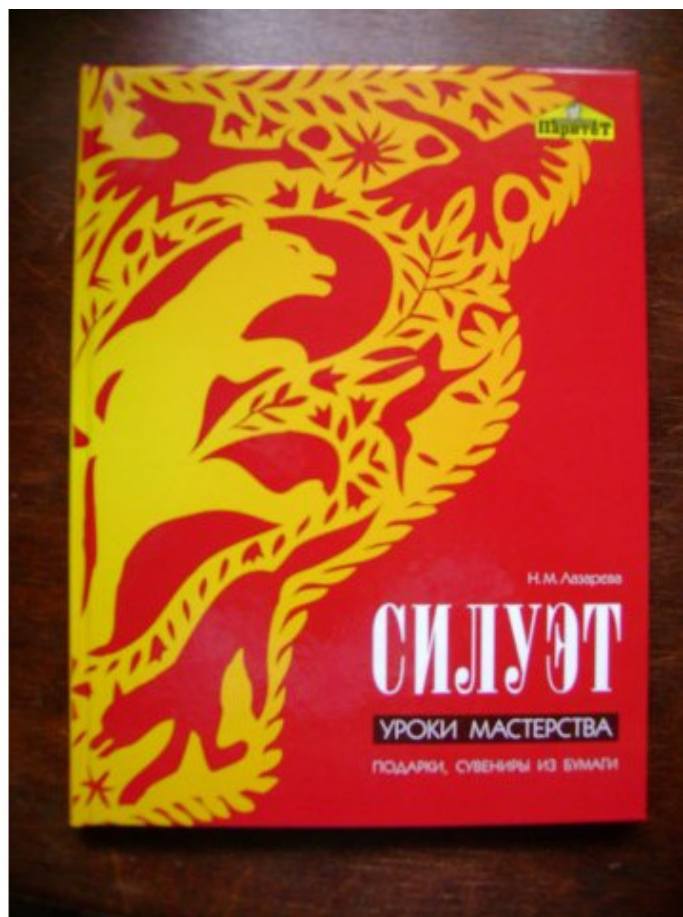
Я надеялась в Варах купить билет на автобус до Рима. Но билетов на автобусы не было, все раскуплены на две недели вперёд. На самолёт тоже остались дорогие и ещё дороже, был только один меньше 200 евро, на четверг. Его и пришлось приобрести.

Лариса уговаривала, чтобы я взяла билет на автобус, на конец сентября. Мол, отдохну, высплюсь, погуляю в горах, поезжу с экскурсиями. Но я не могла себе позволить так долго оставаться в Чехии, я готова была выйти на работу в первый же день по прибытии на Сицилию, а на Сицилию я торопилась.

В воскресенье, понедельник, вторник и среду погода держалась отличная. В отеле было 12 постояльцев. По утрам я, как всегда у Ларисы, спускалась в столовую и развлекала гостей вырезанием картинок из бумаги, тут же проводя мастер-классы для желающих попробовать сделать собственную картину. Мои силуэтные шедевры уже не один год украшают стены отеля, душу художника это греет.

Я везде вожу с собой ножнички и папку с бумагой. Если надо наладить контакт с народом, вырезаю картинки. Людям это нравится. Заодно расспрашиваю, нет ли поблизости или среди знакомых сиюминутных зрителей, мастера по вырезанию картин из бумаги. Информацию о силуэтистах, для личной коллекции, собираю много лет. Мне годится всё: фотографии, работы, книги, открытки, журнальные статьи. Показываю свою книгу (её я тоже всегда беру с собой). То есть – книгу «Силуэт. Уроки мастерства».

Как писатель никому не представляюсь. Если бы я была звездой книжных полок, людям бы льстило, наверное, пообщаться со знаменитостью. Но, так как я – рядовой член Союза профессиональных литераторов, о своей деятельности на этой стезе помалкиваю. Давно заметила, что люди пугаются и становятся напряжёнными, если знают, что рядом находится какой-то сочинитель. Хотя, есть ещё одна категория граждан, которые услышав, что я пишу, начинают требовать, чтобы писала о них мемуары, которые меня непременно прославят, или влезала в какие-то войны с домоуправлениями, или вступала в партии по борьбе с социальной несправедливостью. Так что писательство – палка о двух концах. И лучше, если о нём знает как можно меньше посторонних.

Каждый вечер гости что-то отмечали, мы засиживались за полночь, с песнями и возлияниями. Днём гуляла по городу, фоткала, шастала по магазинам, купалась в бассейне.

Лариса попросила меня сделать новые украшения к Рождеству, потому что те, которые я вырезала, украшая «Диамант» осенью 2012 года, местами порвались. Навырезала, дополнительно оставив балеринок в разноцветных бумажных юбочках, которых развесила в столовой.

Во второй вечер одна из постоялиц затеяла отвальную. Мы сидели вчетвером. Выпив за хорошую дорогу, включили караоке. Отъезжающая и ещё одна женщина сообщили, что они – певицы. Первая раньше преподавала, и после выхода на пенсию поёт в хоре. Вторая – профессиональная певица. Песни выбирали разные, но 100 очков никто не получал. Певицы едва набирали 80. Я сказала, что сейчас тоже спою, потому что в 7 классе ходила в хор. Меня подняли на смех.

Я выбрала в списке «Моя бабушка курит трубку» и нажала на кнопку. Певицы выбор игнорировали. Они болтали, вспоминая молодость, микрофон лежал далеко на столе. Я не стала подниматься, прибавила голоса и с чувством исполнила любимую песню моего сред-

него внука. Экран выдал 94 очка. Спасибо, Гарик! Всегда считала, что в песнях главное – чувство. Певицы переглянулись и заявили, что концерт окончен.

За чаем пенсионерка спросила, куда я направляюсь после Чехии. Выслушав ответ, сказала, что её сестра тоже работала на Сицилии. Там у неё случился какой-то инцидент с украинской бадантой (сиделкой). Та пошла и донесла на русскую в полицию. Русскую арестовали, месяц держали в тюрьме, потом депортировали. Женщина осталась довольна тюрьмой, отношением служителей закона, депортацией, и оказавшись в России, сменила паспорт, и снова уехала на Сицилию.

Так что, мне посоветовали: с украинками не общаться! Я промолчала, потому что ехала как раз к украинкам.

Мне казалось, что в городе уже всё знаю. За два раза, что гостила в «Диаманте» («Не мечтаю о Карловых Варах» и «Нежное золото Карлсбада»), были осмотрены все достопримечательности. Но в этот приезд меня ждал приятный сюрприз – в центре Карлсбада, над колоннадой с крытыми источниками, открылась галерея с панорамным обзором. Её реставрировали 17 лет. Я сразу же туда пошла. Сначала фотографировала себя сама. Через несколько минут молодой смотритель, наблюдавший, как я прыгаю между фотоаппаратом и местом, в котором замираю в выбранной позе, подошёл и, смеясь, предложил: «Давайте, я Вас сфотографирую!» Я с радостью согласилась.

Перед отъездом мы с Ларисой, уже по традиции, отправились развлечься в ресторан с живой музыкой. Пошли втроём, с ещё одной постоялицей из России. Заказали вино, танцевали, болтали обо всём на свете. Меня пригласил на танец бравый пожарный из Германии. Файерману было под 60. Мы общались на смеси чешского и немецкого, отлично друг друга понимая. Первое, что предложил Курт – это выпить водки. Я засмеялась: «Почему водки?» – «Ты – русская. Все русские пьют водку!» – «Я пью пиво! Немецкое пиво!» Курт заказал пиво.

Когда ресторан закрылся, Лариса шепнула: «Если зайдёте в отель, я ничего не видела!» Я хмыкнула и повела Курта гулять. Пожарный задыхался, взбираясь на высокие лестницы и кружа по крутым улочкам. Он потел и пыхтел, но не сдавался. Я подбивала его перелезть через забор на колоннаду, но он, как воспитанный в законопослушании фриц, отказался. Я не стала скрывать разочарования, и безжалостно потащила его на смотровую площадку над городом. Через два часа, возле калитки «Диаманта» пожелала ему спокойной ночи. Кажется, Курт был рад.

Девчонки сидели в столовой. Они разочарованно посмотрели на моё явление без сопровождающего и откупорили новую бутылку.

В четверг утром Лариса проводила меня на автобус. Я направлялась на остров-вулкан, совершенно сознательно идя на повторное нарушение закона. Рецидивистка. Даже не смешно.

Глава 2. casa vacanze Irene giardini Naxos

Самолёт летел из Праги с пересадкой в Милане, и вечером в Катании меня встретили Ира с мужем.

Ира – с Украины, из Киева. Она нашла мужа на сайте знакомств. Это уже третий её брак. Сын от первого брака учится в вузе и живёт в Украине. Дочку от второго брака Ира взяла с собой, её новый муж принял ребёнка. Он не хочет своих детей, что Иру радует.

У её мужа две квартиры. Одна в Катании, большая. Там они живут с отцом мужа. К ним приходит русская уборщица – замужней синьоре не положено заниматься домашними делами. Готовит еду её муж, или они ходят по ресторанам.

Вторая квартира сдаётся туристам. Бронируют апартаменты, в-основном, европейцы. Наши туристы предпочитают отдыхать в больших отелях. А я, была бы такая возможность, к пятизвёздочным монстрам на пушечный выстрел не подходила.

Я спросила у Иры, как они находят постояльцев. Она ответила, что через тот же интернет. Её муж потрудился над сайтом – www.casavacanzairene.onweb.it, и ещё довольные путешественники после отдыха рассказывают друзьям о райском уголке – casa vacanze Irene giardini Naxos – в курортном городе на берегу моря, Джардини Наксос, на via Naxos, прямо напротив пляжа. Вышел со двора, перешёл дорогу – и море. Именно сюда меня отдыхать Ира звала несколько раз, но у меня то одна катастрофа, то другая, так и не выбралась, хотя честно собиралась дважды.

Со мной Ира тоже познакомилась в интернете. Она написала мне в одноклассниках, что прочла «Нелегалку», ей очень понравилось. Началась переписка.

Она такая своеобразная женщина. Целыми днями торчит в глобальной сети, собирает деньги для защитников Украины. Даёт уроки английского итальянским детям, и каждую неделю отсылает на страдающую родину деньги, тайком от мужа. Тему войны мы с ней договорились не обсуждать, чтобы не ссориться.

Хотя, бурная деятельность украинской знакомой меня восхищает. Ира с командой собирает вещи для нуждающихся, постоянно отправляет посылки. К каникулам найдены семьи, готовые принять украинских детей – чьи родители погибли на этой дурацкой войне. Одного мальчика Ира с мужем берут к себе. И ещё украинские волонтеры на Сицилии готовят документы на усыновление украинских сирот. Здесь это уже не редкость. Я сказала Ире, что они занимаются украинизацией Сицилии. Шутка была принята.

Ира полиглот. Знает украинский, русский, немецкий, английский, итальянский, а сейчас учит французский, потому что готовится путешествовать по Франции. Её дочь Тая велоче парлает на итальяно, в школе изучает английский и французский, ну и мама дома её натаскивает. Ира говорит, что хочет, чтобы Тая в будущем работала в сфере туризма, поэтому языки знать обязательно.

В Джардини Ира с мужем не только сдают квартиру, но и разработали для туристов несколько экскурсионных программ.

Когда мы гуляли по Джардини, Ира показывала на горы и говорила: «Вот там, за горами, городок в котором снимался фильм «Крёстный отец». Карлеоне находится под Палермо, но Мотта Камастра настолько эксклюзивна в своём роде, что фильм снимали на её улицах и площадях.

За горами с другой стороны – Савока и Форца Д Агро, где также шли съёмки, и эти городишки, а по сути – деревушки стали местом паломничества туристов всего мира. Хочешь – съездим, нельзя быть на Сицилии и не посмотреть на пейзажи, выбранные Копполой!»

В маршруты для съёмщиков апартаментов включены различные достопримечательности. Про Мотту я узнала много интересного.

Этот город основали сарацины более тысячи лет назад, его название означает «Место встречи путешественников».

Старинные здания располагаются на высоте почти 500 м над уровнем моря, Мотта Камастру часто называют второй Таорминой.

Покровителем города является St. Michael Архангел, в честь него проходят праздники каждый третий понедельник августа, на следующий день после праздника Мадонны. Сочетание этих торжеств и рабочего периода, на неделю привлекает в Мотта Камастру огромное количество людей, как жителей Сицилии, так и туристов. В дни религиозных праздников прямо на улицах проводятся многочисленные шоу, игры и представления, участники которых развлекают публику, одевшись в национальные костюмы.

Я смотрела на горы и думала, что когда-нибудь обязательно туда съезжу. Но – потом. Так Ире и ответила.

Когда выезжала из Питера, Ира обещала, что меня встретят и отвезут в Калатабьяно. Но в аэропорту она сказала: «У меня день рождения. Мы поедem на море. Поехали с нами? В Калатабьяно отвезём тебя в воскресенье вечером». Я позвонила Ольге, чтобы узнать, могу ли задержаться на несколько дней. Ольга дала добро, и мы поехали на день в Катанию, а потом на два – купаться.

Тая плавала как русалка. У неё очки для ныряния. Я привезла с собой маску и трубку. Мы ныряли и уплывали на глубину, доставали разные камушки, любовались на рыб. Тая была в восторге, потому что Ира не умеет плавать, она плещется у берега, и дочку от себя никогда не отпускала. Но со мной разрешила, и мы выползали из воды на четвереньках, так уставали.

Все три дня мы с Таей вырезали снежинки, украсили её комнату балеринками в юбочках, я рассказывала свои сказки, она говорила со мной больше по-итальянски. Не потому, что плохо говорит по-русски, а потому что решила меня учить. Я не отказывалась, но иногда злилась: «Я тебя не понимаю! Скажи это по-русски!». Она смеялась и говорила на итальянском: «Нет-нет-нет!», дополняя язык показом действий, как в игре в крокодила. Я научила её играть к карты, в переводного дурака и в «Верись – не верись». Обе игры ей очень понравились, и мы часами азартно резались на шелбаны.

В воскресенье обедали в горах, в ресторане «Кукареку» (по-нашему). Там обычная деревушка, но хозяева ресторана содержат своё хозяйство, закупают свежую рыбу и морепродукты, и народ специально ездит туда, чтобы пообедать.

Вечером меня отвезли в Калатабьяно.

Я забыла, какой именно дом на площади принадлежит Ольге, и смотрела на два, стоящих рядом. Я была у неё один раз, пять лет назад. Флами набрал номер Ольги. Она спросила: «Вы где?» – «У церкви». Она отключилась. Через несколько минут я определилась с домом, мы подъехали поближе, я вышла из машины. Ольга быстро шла от церкви. Увидев меня, закричала сердито: «Наташа?! Ну, и что ты здесь стоишь? Я должна тебя бегать искать?! Чего уставилась?! Не узнаёшь?! Бери чемоданы, дуй на третий этаж!»

Я её узнала, но только по голосу. За эти годы Ольга изменилась, стала выглядеть намного лучше. Ира и Флами поражённо на меня смотрели: «Ты уверена, что хочешь остаться? Может, поживёшь у нас в Джардинах, а мы поищем тебе работу по знакомым?» Я засмеялась: «Вас напугало, что Ольга кричит? У неё характер такой, и голос громкий. Всё нормально».

Тая расстроилась: «Наташа, останься!» Я расцеловала всех: «Спасибо! Всё нормально, точно, не переживайте. Тая, запомни карточный счёт 2:9 в твою пользу. Когда приеду в гости, переиграю тебя!»

У Ольги в доме были несколько женщин из Питера. Новая партия нелегалок. Сейчас она меня, что называется, подобрала, обогрела. В этот раз я рванула на Сицилию наобум святых. Две знакомых с прошлой волны нелегалщины, по скайпу уговаривавшие: «Приезжай, найдём где жить, работу подберём!», едва я тронулась в путь, самоликвидировались из схемы общения одна за другой. Первая не вышла на связь уже в Чехии. Вторая горестно посетовала: «Ох, надо было тебе до весны подождать, сейчас с работами очень плохо!» и отключила скайп. Остаться у Иры, которую я знала всего три дня, было неприлично. Я позвонила Ольге. Она устроила мне маленький допрос, но вспомнив, что пять лет назад я выходила на работу к синьорам от неё, приказала: «Жду!»

Глава 3. Ожидание 1. Калатабьяно

Две женщины накануне прилетели из Питера, прибыли через фирму, в кредит. Одна приехала из Катании, она уже 4 года на Сицилии, осталась без работы, поболталась-поболталась, да и попросила о помощи Ольгу.

Соискательниц быстро распахали по синьорам. Правда, Лена, та, что из Катании, была в ожидании места уже неделю. Но и её на второй день после моего приезда определили.

В Калатабьяно я провела 5 дней. Облазила окрестности, дважды с разных сторон поднималась на гору к замку. Этот замок арабско-норманского периода – один из самых оригинальных и живописных на всем восточном побережье Сицилии.

Один раз предприняла восхождение по довольно опасной древней дороге, к развалинам и заброшенной церкви.

Второй – на подъёмнике, непосредственно в замок, где были открыты несколько выставок. Когда заходила в подъёмник, девушка, продающая билеты, дала мне журнал, рассказывающий о крепости. Когда спустилась вниз, уже в сумерках (виды не менее красивые, благодаря тысячам огней внизу), девушка не приняла путеводитель обратно, сказала: «Это Вам – подарок!» Я обрадовалась.

Погода была совершенно летняя, по вечерам улицы старого города превращались в сказочные декорации. Часы на башне церкви привычно отбивали каждые пятнадцать минут. Над крышами разносился гул колоколов.

Вечерний городок напоминал сказки тысячи и одной ночи – бархатный воздух, по которому разлита тёплая нега, матовые огни и никаких мух и комаров.

На улицах тут и там встречались русские. Мы болтали, делились новостями, обменивались телефонами.

Вечером пятого дня меня определили в Джардини Наксос к старушке в госпиталь.

Ольга предупредила, что не знает этих синьоров, у них никто ещё не работал, поэтому ничего сказать не может. Я должна смотреть сама.

Глава 4. Вариант 1. Дают – бери, бьют – беги

В госпиталь меня вёз молодой красавчик Джанлука. Поинтересовался, какое у меня образование, откуда я. Выразил своё восхищение Санкт-Петербургом.

Его старушка-мама (здесь женщины обычно рожают поздно, по сравнению с нашими) заболела внезапно, что-то с желудком.

Госпиталь находился на горном склоне и относился к Таормине. То есть, к району Таормины. Многоэтажное здание, лифты, туалеты, кафе и автоматы с напитками и снеками во всех коридорах. Вход внутрь свободный. В каждом отделении – своё справочное. Мама (два её сына велели называть её именно так) была на онкологии.

Перед справкой – зал ожидания, с диванами. И библиотека, тоже уставленная диванами, в которую ожидающие свободно заходят и читают, что хотят: журналы, книги, библии, детскую литературу.

Из окон я сфотографировала несколько видов, потом стало не до развлечений.

Старушка лежала в двухместной палате, на автоматизированной кровати. Из неё торчали два катетера, прозрачные шланги из которых уходили в сумки, а сумки эти надо было носить, куда бы мама ни направлялась. Сама она выглядела плохо, и была ужасно нервной, кричала, стонала, визжала, материлась, проклиная всех святых, без остановки. Вторая женщина, Нина, похожая на скелет, передвигалась в обнимку с капельницей на колёсиках. Нина постоянно просила маму замолчать, но мама, явно с головой не дружила. Просто поразительно, как эта, с виду благообразная старушка превращалась в чудовище, едва продирая глаза от коротких снов.

Я провела в госпитале три ночи. Вернее, всё было хуже. Меня отвозили к маме в 4 часа после обеда, а забирали утром в 11 – 12 часов. Старушка не давали ни минуты покоя. То пить, то есть, то повернуться на бок, то лечь прямо, сто раз в день поменять положение кровати, помассировать руки-ноги-спину-голову, отвести в туалет, позвать врача, и т. д. и т. п. Если врачи не приходили, она жала на кнопки вызова и вопила на всё отделение. Думаю, медперсонал перекрестился, когда её забрали домой.

Спать пришлось на скомбинированном ложе из двух стульев и инвалидной коляски. Сестрички прикатали её, положив сверху два одеяла, простынь, полотенце и подушку: «Это Вам. Извините, больше ничего сделать не можем». Сыновья купили мне хлеб, воду и круасаны. А хотелось кофе и горячей пищи. Кофе приносили с завтраком, обедом и ужином.

Юноша на раздаче прикатив в первый раз столик с кастрюлями, оставил наполненные тарелки и стаканы больным, и вышел. Через секунду вернулся, и поставил еду передо мной.

Дни и ночи были невыносимо тяжёлыми. Я не высыпалась, потому что, стоило закрыть глаза, мама раскрывала рот и орала: «Открой окно, мне нечем дышать! Закрой меня одеялами, я замёрзла! Опустит жалюзи, мне мешает солнце (луна, фонари)! Закрой дверь, в коридоре шумно! Выключи-включи свет, дай другую бутылку воды, где мой йогурт, проверь капельницу, принеси то-это из шкафа, померь мне температуру, измерь давление, переверни подушку, поправь ноги, хочу новую простынь, ..., ...,...»

Я терпела. Понимала, что ей, на самом деле, худо. Надеялась, что дома ситуация изменится.

На второй день вышла к автомату, взять горячего шоколада. Обрато не впустили. Отделение закрыли, выйти в зал ожидания попросили всех. Посетители переговаривались, обсуждая что-то. Через какое-то время вышел врач и обратился к притихшей женщине: «Сожалею...» Он обнял женщину, поцеловал, стал гладить по голове. Я подумала, что это – её родственник. Но тут к женщине стали подходить абсолютно все присутствующие, обнимать и высказывать соболезнования.

Вспомнилась реанимация в Елизаветинской. Молчаливый персонал, пролетающий мимо приехавших к больным родных, «Доктор, скажите...» – «Мне некогда, не сейчас, это не ко мне, подождите»... Мужчины и женщины с затравленными от горя и неизвестности взглядами, одна холодная скамейка на весь закуток в подвале. За две недели трижды врачи сообщали кому-то о летальном исходе. Вокруг несчастных сразу же образовывался вакуум, от них шарахались, стараясь спрятаться за угол, отвернуться. Одна женщина упала в обморок, когда врач сказала ей: «Мы ничего не смогли сделать...». Он едва успел её подхватить, усадил на облупленную белую скамью и исчез.

После третьей ночи в таорминском госпитале сыновья забрали маму домой.

Дом стоял в самом начале города. Их квартира была огромной, на 10 комнат, занимая целый этаж в многоквартирном доме. Терраса на крыше тоже принадлежала им. В квартире – две ваннх комнаты, две подсобки, комната для собаки, балконы по всему периметру. Виды – на Калатабьяно, горы, Этну и Таормину. Слева от дома – река Алькантара, под действующим мостом – старый, разрушенный.

Дважды в неделю приходила мулатка Анджела, убиралась, стирала и гладила. Она крестилась, слушая завывания старухи и шептала мне: «Терпения Вам, терпения...»

Готовил младший сын, Серджио. Мне велели сидеть с мамой, споласкивать посуду и загружать в посудомойку, наводить порядок на кухне и в маминной комнате.

Моя комната была крошечной, с проломанной кроватью. Постельное выдали такое дражное, что я побрезгала им пользоваться. Ложилась на покрывало, заворачиваясь в свой палантин. Благо, что сентябрь стоял по-сицилиански жарким, за +30.

В квартире был проведён интернет, но я смогла выйти в сеть пару раз, ненадолго.

Больная не давала ни минуты покоя. Ни поспать, ни поесть нормально, ни даже помыться!!! Сама она вообще не спала. Я пыталась взывать к остаткам её разума: «Мне надо принять душ (отдохнуть, поесть)», но она визжала дурным голосом: «Ты – сиделка! Сиди рядом со мной!» Причём, сидеть приходилось в буквальном смысле слова. Потому что даже читать мне запретили.

Сыновья требовали, чтобы я неотлучно находилась в её комнате. Сами они уходили куда-то утром, до вечера, но несколько раз появлялись, проверяя, что я делаю. Я выполняла все действия механически, почти на грани возможности.

На пятый день вечером уснула носом в тарелку. На шестой утром меня выпустили из дома на 4 часа. Это – вместо обещанных двух раз в неделю по 6 часов.

Улицы курортного города манили чистотой и комфортом, отели, цветы, кафе, празднующиеся счастливчики. И я – замученная и чуть живая, вяло реагирующая на окружающие красоты.

Пришла к морю. Выбрала пляж перед навороченным отелем, чтобы быть более-менее спокойной за свои вещи, разделась недалеко от лежаков и два часа не вылезала из воды.

Спина гудела, ноги болели, голова отказывалась воспринимать происходящее.

Над водой пролетало облако-птица. Я вздохнула. Когда вижу облако-птицу, знаю: придётся сниматься с места, и лететь куда-то, меняя жизнь. Клюв огромного гуся-лебедя был направлен в сторону Калатабьяно. Настроение, и без того препоганейшее, скатилось к нулю.

Вернувшись, сказала синьорам, что этой ночью буду спать. Потому что невозможно не спать 6 дней. Семейка хором завопила, что если я проведу ночь не с мамой, мне за это время не заплатят. Ответила, что для такой больной надо брать двух сиделок, которые меняются через сутки. И повторила, что буду спать.

Спасть мне не дали.

Для того, чтобы старушка-мама могла командовать постоянно, кроме сотового, ей дали домашний телефон. Вторая трубка была у меня, третья и четвёртая – у сыновей. Мама звонила всем. Именно это дёргало мужиков больше всего, заставляя сбегать из дома. Но, воспитанные на авторитете женщины в семье, они срывали зло на мне, ругаясь с каждым днём всё больше.

В десять вечера я ушла в свою комнату и легла. Через полчаса безумная больная набрала мой номер. Я приплелась к ней: «Что Вы хотите?» Она завизжала: «Ничего от тебя не хочу! Уходи! Сегодня ночью за мной будут ухаживать мои сыновья!!!» Сыновья уже примчались к ней, потрясая телефонами.

Я ушла в свою комнату и легла. Только уснула – снова вызов. Я пришла и спросила: «Что?» Она заорала на весь Джардини: «Ничего!!! Я тебе не звонила!!!» Сыновья появились в мамочкиной комнате позже меня.

Я ушла к себе и легла. Через четверть часа – новый звонок. Я взбесилась. Пришла в комнату сумасшедшего собрания и рявкнула: «Что вам от меня надо?!» Сыновья, бегающие вокруг мамаша, заорали: «Уходи и спи!» Мамаша заорала: «Я тебе не звонила!!!» Я заорала: «А кто, бля, мне звонил?! Вот, трубка до сих пор надрывается!!!», швырнула телефонину ей на покрытие и пошла вон. Джанлука окликнул меня: «Наташа, ты забыла телефон!» Я развернулась и отчеканила: «Я не забыла телефон, я его ОСТАВИЛА! Потому что сегодня ночью я буду спать!!!»

Проснулась в 7 утра. От мамино ора не спасали даже беруши, которые я не вынимала из ушей все три дня в этой квартирке. Едва вошла в её комнату, сыновья исчезли. Больная не дала выйти ни на минуту. Я крутилась при ней голодная и совершенно вымотанная.

В 11 появился Джанлука и набросился на меня с руганью: «Чем ты занимаешься? Посуда не мыта, кухня не прибрана! Что ты делала с утра?!» Я ответила: «Ваша мама запретила мне выходить из её комнаты. Она сказала, что я буду наводить порядок на кухне, когда вы вернётесь. Между прочим, скоро полдень, а я ещё не завтракала и не умывалась». Он завопил: «Зачем тебе есть, если ты ничего не делала?!»

Я сказала: «Я уйду» и пошла собирать вещи. Сыночек побежал взад: «Куда уходишь?» – «К Ольге. Я не буду больше здесь работать» – «Мы не заплатим тебе ничего, если ты уйдешь!» – «Если я останусь, я не выживу. Я уйду!»

Он не заплатил ни цента. Мамаши надрылась дуриной: «Наташа! Наташа! Иди сюда!!!» Я открыла дверь, и вынесла багаж: чемоданчик, спортивную сумку, рюкзак.

Сыночек спросил: «Почему ты уходишь? Надо работать!» – «Почему Вы спрашиваете? Я же ничего не делала. Вот оставайтесь, и тоже ничего не делайте». Он стал угрожать: «Я сейчас позвоню Ольге, и пожалуюсь» – «Звони. Я ей всё расскажу, к вам не придёт работать ни одна баданта».

На улице начался дождь. Я тащила по шоссе чемодан, поставив на него сумку, спину оттягивал рюкзак. Зонта не было, оставила в Карловых Варах, у Ларисы.

Шла и думала: «Правильно говорят: „Дают – бери, бьют – беги“. Лариса мне предлагала отдохнуть у неё, но я отказалась, хотела побыстрее начать работать. Ира предлагала пожить в их квартире у моря, но я отказалась, хотела побыстрее начать работать. Получила работу – и что? Меня измордовали морально, причём, это началось с первого дня, но я терпела, потому что мне очень нужна работа. В чём смысл? Пять дней ожидания и шесть – бесплатного рабского труда. Не взяла хорошее, терпела плохое. Больше так делать не буду!»

Я не заплакала. Корила себя, подбадривала, жалела и уговаривала лучше заботиться о себе. Потому что Ольга всегда наставляла: «В первую очередь думайте о себе, потому что никто здесь о вас заботиться не станет!» Умная женщина. А я сглупила. Ну, с кем не бывает. В конце концов, отрицательный опыт – тоже опыт.

Я могла бы обратиться в полицию. Мои документы были в порядке. Пока – но в порядке. У наглых синьоров были бы большие проблемы. Только, эти проблемы коснулись бы Ольги и её бизнеса. Поэтому, я волокла чемодан, пыхтя от злости, мысленно сочиняя злой-презлой рассказ, в котором сквалыги-братцы и их маман будут главными, мерзчайшими фигурантами. Сукины дети, они у меня переикаются, когда я его напишу и выложу на всеобщее обозрение!

На камнях Алькоантары грустила колония цапель. Неплохо было бы сфотографировать, но я прошла мимо.

Перед Калатабьяно остановилась у развилки, на мгновение растерявшись: куда теперь? В смысле, чтобы выйти напрямую к церкви, а не давать кругалю по улицам. Откуда-то выпорхнула бабочка и полетела прямо. Я увязалась за ней, прицепившись к размышлениям о бабочках.

Когда-то я видела в каком-то сериале, как стая прекрасных бабочек лакомится человеческим трупом, и поняла: бабочки – такие же звери.

Может быть, вера древних в то, что душа человека превращается в бабочку, основана именно на этой картинке: облака бабочек на трупах.

Мы любуемся бабочками, но гусеницы, за редким исключением, выглядят гадко. Ничуть не лучше червей, пиявок, глистов и прочей гадости. Это наше их восприятие. Мы же для них – продукт питания. Возможно, поэтому мы их и ненавидим. Не боимся, нет – один удар каблук, и мерзкая тварь прекратит существование. Но, как бы ни была мерзка эта тварь, на наш

взгляд, она живёт, и ей нет дела до наших забот и переживаний. И нам нет дела до них, они ползают, мы ходим.

Бабочка давно улетела, а я пришла, особо не устав. Джардини и Калатабьяно рядом, всего пара километров.

Глава 5. Ожидание 2

Позвонила в дверь. Открыла дочь Ольги, глаза по полтиннику: «Что случилось?» – «Я ушла» – «Как?» – «Сама» – «Вас рассчитали?» – «Меня достали» – «Мама знает?» – «Нет, мне неоткуда было ей позвонить». Она меня впустила, набрала номер матери и передала мне трубку.

Мы поговорили минуту. Дочка спросила: «Что Вам надо сейчас?» – «Мыться, есть, спать...»

Я была в душе, когда мне принесли обед.

Ольга приехала откуда-то, я извинилась: «Помню, что Вы предупреждали, что вот так нельзя уходить от хозяев, я подвожу и Вас, и девочек, которых нанимают, но терпеть было невозможно дольше». Ольга сказала, что мне надо было уйти раньше, а теперь мне не заплатят. Ну, что делать. Своё здоровье дороже.

На другой день собиралась съездить в Катанию, погулять по знакомым любимым улицам. Но в пять вечера Ольга зычно крикнула с нижнего этажа: «Наташа!» Я скатилась вниз и увидела крепыша-синьора. Ольга нахваливала меня, он кивал. Она повернулась ко мне и сказала: «Неси багаж, едешь на работу!»

Машина пробежала мимо церкви, мимо фонтанчика с золотыми рыбками, как мышь в извилистой норе, прошмыгнула по узким улочкам и вырвавшись на свободу, рванула в горы.

Глава 6. Вариант 2. Мотта Камастра

Меня повезли в горы, в Мотта Камастру – город, где когда-то снимался культовый фильм про крёстного отца. Что такое Мотта? Это – 432 метра над уровнем моря и 800 жителей. Именно оттуда собиралась уезжать в Россию сиделка из Пскова. Но она должна была работать ещё неделю. Оплата за работу мне начиналась после её отъезда, а пока я должна была смотреть, что и как делать.

Ехали полчаса. Меня укачивало, но я мужественно сосредотачивала внимание на многочисленных вопросах синьора, старательно отвечая на каждый:

- как зовут?
- сколько лет?
- давно приехала?
- откуда приехала?
- из какого города?
- есть семья?
- какая семья?
- кому сколько лет?
- замужем?
- есть друг?
- работала здесь раньше?
- где работала?
- как звали синьоров?
- сколько времени работала?
- какая была работа?
- сколько времени собираюсь работать сейчас?
- собираюсь ли вернуться в Россию?
- ищу ли жениха в Италии?

Прямо перед домом находился небольшой памятник святому архангелу Михаилу. Я вспомнила папу и подумала, что это – хороший знак. Облака плыли под Архангелом, окутывали горы, словно играя со мной в прятки. Можно было только догадываться, каким будет пейзаж при ясном небе.

Потом в городке я набрела на церковь Архангела Михаила. Она возвышается над домами, хороша видна со всех сторон. В церкви сохранилась живопись XVIII века.

Мне нравятся местные кьезы (церкви). В них можно сидеть. Часто в храмах открыты туалеты. Это же так нормально! Люди приходят издалека, уставшие, или пожилые и больные. Отдох-

нув и оправившись, спокойно молятся. Поэтому, если в путешествиях наваливается усталость или возникает необходимость переждать непогоду, я иду в кьезу и сижу, любуюсь картинами и скульптурами.

В городке есть вторая церковь, Аннунциата, ещё более старая, мне в ней понравилась статуя Мадонны Негро. Чёрная Мадонна с младенцем, её чтят наравне с другими святыми. Это забавно, потому как на Сицилии полно негров, но их редко берут на работу, большей частью они здесь бомжуют, вполне комфортно для себя. Обитатели чёрного континента прут из Африки большими группами, их отлавливают и депортируют, что является занятием абсолютно бесполезным.

Мы, нелегалки из других стран, просто не бросаемся в глаза, всё-таки Сицилия Европой считается, поэтому на нас внимания не обращают.

В горах такая красота! Городок специфический,строен в скалы, улицы крутые и узкие, часто уже метра. А мой работодатель, как выяснилось, когда-то привлекался за связи с мафией. Так что, думаю, он не переживает о том, что нанимает нелегалок. И на документы рассчитывать нечего.

Я делала себе визу на год, с количеством 90 дней пребывания за границей. На всякий случай. Если вдруг придётся срочно вернуться домой. Пока я при легальных документах, но через месяц с хвостиком вольюсь в армию злостных нарушительниц закона. Потому что возвращаться – вариант худший.

Работа, конечно, везде одинакова. Старая больная синьора, не ходячая. Лежит и сидит. В своём уме. К сожалению. Много разговаривает. Но говорит на сичилианском наречии, понять её порой невозможно. Хоть она прекрасно знает нормальный итальянский, говорить на нём отказывается. Ест трижды в день. Завтрак – чай, вафли, сыр и мороженое. Обед и ужин надо готовить. И это не как у нас: сготовил, сунул в холодильник, потом разогреешь, когда захочется.

Синьора и её большая семья живут в центре города, но там квартиры на несколько этажей, и с бабулей справляться невозможно. Опять же, в городской квартире тусуются толпы знакомых и родственников, что раздражает младшего сына старушки, которому она передала право распоряжаться своей пенсией.

На самом деле, мне нравится, как здесь устроено дело обслуживания пенсионеров. Пенсии внушительные, и дети вынуждены иметь одну заботу – чтобы родители жили долго, а значит – хорошо, и ни в чём не нуждались. Многие наследники сами не работают, а живут за счёт этих пенсий, без особого ущерба нанимая сиделок. И старики не работают, и живут лет до ста, окружённые искренней заботой, потому что родственники не подсчитывают, что получают после их смерти, а имеют вполне материальные блага именно до тех пор, пока мамы-папы живы.

И вот, старушке сняли квартиру на первом этаже, в самом крайнем доме, практически на отшибе, на площади перед автобусной остановкой. Квартира: кухня, санузел, комната со стиральной машиной, подсобка, комната бабули, комната сиделки и огромная открытая веранда.

Сам дом пустой. Когда-то местный доктор был богат, и построил этот домище для своей многочисленной семьи. Он хотел, чтобы под одной крышей жили старики и дети, каждому по квартире. Семья не оценила желание главы, и съезжаться не пожелала. Тогда доктор решил сдавать квартиры туристам. Но в городишке хватает отельчиков, к которым не надо пилёхать по гористой дороге – они все в центре, рядом с достопримечательностями, магазинчиками и ресторанами. Бизнес не пошёл, дом пустует. В погожие дни на террасе четвёртого этажа сушится наша стирка.

К синьоре в гости шастают родственники: сёстры, дети, внуки, подруги. Она не смотрит телевизор, не слушает радио, не читает. Только разговаривает.

В моей комнате есть телевизор, смотреть можно сколько влезет. Когда синьору не пробивает на потрындеть, она часами сидит и тупо смотрит в стену, я торчу в интернете.

Глава 7. Рабочий туризм

Рина, которую я меняла, для своего возраста – 61 год, выглядела лучше меня. Конечно, она из тех, что называется «маленькая собачка до смерти щенков», но и за собой следит постоянно. По утрам она делала гимнастику в парке под смотровой площадкой, по вечерам совершала пробежки по трассе.

На другой день после моего приезда она поругалась с бабкой. Здесь все в обед пьют вино. Старой синьоре врач запретил. Но она каждый день пьёт, и предлагала выпить баданте.

Тут, бабуля в стрессе, что баданта уезжает, и стала её ругать и обзывать. «Пьяница» Рину взбесила. Она устроила настоящие итальянские страсти! Два дня в доме лились слёзы, стоял ор, собирались чемоданы, рыдали все, даже я слезу пустила. Потому что Рина заявила в этот, второй день, когда начался скандал, что она уходит сию же минуту! Синьор явился её уговаривать, они поругались пуще прежнего. А мне что делать? Обязанностей не так много, но они регламентированы по времени. И нам с бабкой как-то надо притереться друг к другу. Ей – осознать, что я весьма отличаюсь от её прежней сиделки характером и темпераментом (я же тормоз, а у Риной, если и есть где-то кнопочка, отключающая скорость её действий, никто не в курсе, где эта кнопочка находится). Мне – выучить, в какой последовательности что делать. Рина, четыре года проработавшая на Сицилии, хорошо говорит по-итальянски, я же понимаю много, для разговорного уровня вполне достаточно, но связно не говорю.

Из-за этого был смешной момент. Я бабулю утром помыла, передела, посадила, надо завтрак давать. А она мне что-то говорит. Я не понимаю. Тогда она открывает рот и делает такие движения рукой, словно курит. Я офигела и спрашиваю: «Вы хотите курить?» Она головой мотает и повторяет тот же жест. Я думаю: старушенция больная, про то, что она курит, мне никто не говорил, да и вряд ли ей разрешил бы врач. Хотя, она рассказывала мне о своём враче и обозвала его кретином. Правда, дело касалось вина и диеты, но чем чёрт не шутит... Если она хочет курить, что мне делать? Дать ей сигарету? Или не давать? С одной стороны – она хозяйка. С другой – на этот счёт не было указаний. Пока я мыслила в таком ключе, вошла Рина и сказала, что я забыла дать ей пыхнуться респиратором от одышки! Мы весь день смеялись, но с того случая старушка стала напоминать, что ей надо «покурить», если я забывала подать пыхалку утром или вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.